

О СООТНОШЕНИИ РОДОВЫХ ОБЪЕКТОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ДОЛЖНОСТНЫХ И ПРОТИВ ПОРЯДКА УПРАВЛЕНИЯ

Нормы должностных преступлений равно как и преступлений против порядка управления охраняют очень сходные по своей природе общественные отношения. Это подчеркивали практически все криминалисты, занимавшиеся изучением указанных групп преступлений (5, с. 14-17; 16, с. 307). Вместе с тем как должностные преступления так и преступления против порядка управления закреплены в различных главах УК, что, в свою очередь, предполагает различия их родовых объектов; ибо родовой объект, как известно, положен в основу систематизации норм Особенной части УК.

Однако многие ученые в своих трудах приходят к выводам о тождестве родовых объектов анализируемых групп преступлений. Об этом писал В.Ф. Кириченко, считавший, что “преступные посягательства на одни и те же общественные отношения разделены законодателем в этом случае на две группы на основе признаков, относящихся к характеристике субъектов соответствующих преступлений” (4, с. 16). Аналогичное мнение высказывал и В.Д. Меньшагин, прямо указывая, что “объект преступлений против порядка управления идентичен объекту должностных преступлений” (11, с. 391). Разграничение преступлений против порядка управления и должностных преступлений предполагалось поэтому проводить “не по объекту указанных преступлений, а по их объективной стороне и субъекту” (11, с. 391). Г.Ф. Поленов, специально занимавшийся исследованием преступлений против порядка управления и признававший наличие “специфического объекта преступлений против порядка управления” (12, с. 6), считал, что объект должностных преступлений гораздо шире объекта преступлений против порядка управления, и признавал ошибочным мнение тех, кто отождествлял их объекты (12, с. 6-9). Однако в своем диссертационном исследовании от изложенной точки зрения он, по существу, отказался, поскольку пришел к выводу, что преступления против порядка управления, равно как и должностные преступления, “причиняют вред одним и тем же отношениям — общественным отношениям в сфере управления” (13, с. 7).

Аналогичную позицию занимают и те, кто, не отождествляя родовые объекты указанных групп преступлений, в то же время и не

возражает против их отождествления (3, с. 7; 8, с. 190).

Такое положение дает ряду криминалистов основание прийти к выводу, что “признание теорией родового объекта в качестве критерия систематизации не исключает вовсе совпадения родовых объектов” (13, с. 7). Иначе говоря, они полагают, что “классификация преступлений по родовому объекту в уголовных кодексах ... выдержана не всегда” (10, с. 32). С учетом этого некоторые исследователи приходят к выводу о целесообразности выделения наряду с общими и специальных должностных (4, с. 7), а также альтернативно-должностных преступлений (1, с. 29). По мнению этих и целого ряда других авторов, выделенные ими группы преступлений включают составы, предусмотренные нормами различных глав Особенной части УК. Не оспаривая предложенной концепции деления должностных преступлений, отметим все же, что она не в полной мере отражает специфику должностных преступлений, выступающих в качестве объекта уголовно-правовой охраны.

Вместе с тем попытки выработать критерии отграничения преступлений одной группы от преступлений другой группы в науке все же предпринимались. Нами уже упоминалась высказанная в свое время точка зрения Г.Ф. Поленова. Отметим в этой связи, что в основу деления преступлений на должностные и против порядка управления предлагалось положить различия в сферах общественной жизни, в которых складываются охраняемые соответствующими нормами уголовного права общественные отношения. При этом автор считал, что сфера деятельности должностных лиц гораздо шире сферы управления, хотя последняя и входит в нее, т.е. по сфере управленческой деятельности он соотносил должностные преступления и преступления против порядка управления как целое с частью (12, с. 8). Следует отметить, что идея поиска особенностей родовых объектов через анализ сферы деятельности управомоченных субъектов не нова. Считая сферой должностных преступлений общую сферу деятельности государственного аппарата, С.И. Тихенко пришел к выводу, что преступления, нарушающие его нормальную деятельность в какой-то одной области, должны быть отнесены “не к должностным преступлениям, а к преступлениям иного рода, в зависимости от того, на какую сферу общественных отношений они посягают” (15, с. 4).

Попытка раскрытия особенностей преступлений против порядка управления была предпринята и Е.А. Козельцовым. Из числа приведенных им аргументов, многие из которых представляются нам спорными (6, с. 20), следует все же выделить один, имеющий

принципиальное значение для решения проблемы соотношения и разграничения родовых объектов преступлений против порядка управления и должностных преступлений. Этот аргумент, который приводят и другие авторы (7, с. 404), сводится к тому, что посягательства на охраняемые отношения при совершении преступлений против порядка управления осуществляются извне, т.е. со стороны лиц, не являющихся субъектами нарушаемых общественных отношений.

Вместе с тем приведенных выше аргументов едва ли достаточно для решения проблемы соотношения родовых объектов исследуемых групп преступлений в целом. На этом основании делается вывод, что высказанный в науке тезис о тождестве родовых объектов преступлений должностных и против порядка управления "продолжает оставаться неуязвимым" (7, с. 405).

Не претендуя на комплексное, а тем более на окончательное решение изложенной проблемы, попытаемся все же высказать некоторые соображения по вопросу соотношения родовых объектов названных групп преступлений.

Прежде всего отметим, что особенности родовых объектов рассматриваемых групп преступлений, по нашему мнению, следует искать в структуре общественных отношений, выступающих в качестве объекта уголовно-правовой охраны. Структурными компонентами общественных отношений являются, по мнению большинства ученых, следующие элементы: а) носители (субъекты) отношений; б) предмет, по поводу которого существуют отношения; в) общественно значимая деятельность (социальная связь) участников этих отношений (2, с. 28; 14, с. 16).

Анализ элементов структуры имеет свои особенности в зависимости от того, на каком "уровне" они рассматриваются. Исходя из того, что глава о преступлениях против порядка управления долгое время выполняла роль своеобразного "резервуара, запасника", наполняемого статьями об уголовной ответственности за такие общественно опасные посягательства, точное место которых в системе Особенной части еще не найдено (7, с. 399), и в силу того, что законодатель берет под охрану уголовно-правовыми нормами соответствующей главы УК самые разнообразные интересы, лежащие в плоскости управленческой деятельности, такой компонент структуры общественного отношения, как его предмет, вряд ли поможет нам найти в нем родовые особенности объектов рассматриваемых групп преступлений. Это не исключает, однако, использование предмета общественного отношения в качестве критерия дифферен-

циации преступлений внутри главы, когда уголовно-правовые нормы группируются по сходству и различиям защищаемых ими интересов. И, конечно же, предмет общественного отношения выходит на первый план при установлении и анализе непосредственных объектов преступлений.

Следующим элементом структуры общественных отношений являются их субъекты. При детальном рассмотрении общественных отношений, лежащих в основе объекта должностных преступлений, обращает на себя внимание такая их особенность, что неизменным участником этих отношений всегда выступает должностное лицо. Должностные лица могут быть участниками и общественных отношений, лежащих в основе объекта преступлений против порядка управления. Но при этом специальные признаки субъекта общественных отношений (признаки должностного лица) в нормах о преступлениях против порядка управления являются факультативными, в то время как в нормах о должностных преступлениях — обязательными. Особняком здесь стоят лишь составы дачи взятки и посредничества во взяточничестве. Однако и в этих деликтах неизменными участниками общественных отношений, охраняемых соответствующими уголовно-правовыми нормами, выступают должностные лица.

Переходя к анализу социальной связи как очередного структурного элемента общественных отношений объекта уголовно-правовой охраны, отметим, что важным ее компонентом является сфера общественной жизни, в которой складываются соответствующие отношения. Характерным в этой связи является тот факт, что уголовно-правовые нормы как должностных преступлений, так и преступлений против порядка управления охраняют общественные отношения, лежащие в одной плоскости — в сфере управления. Однако общественные отношения, относящиеся к объекту должностных преступлений, складываются в различных и достаточно неопределенных областях управления, в то время как общественные отношения, лежащие в основе объекта преступлений против порядка управления, предполагают, как правило, конкретную область управленческой деятельности, очерченную в соответствующих уголовно-правовых нормах. Следовательно, нормы должностных преступлений по охвату охраняемых ими общественных отношений гораздо шире, нежели нормы преступлений против порядка управления. К тому же нормы должностных преступлений носят универсальный характер, так как применимы ко всем без исключения областям управленческой деятельности.

Важным обстоятельством, традиционно рассматриваемым при анализе социальной связи, выступает механизм причинения вреда объекту посягательства. Отличительной чертой должностных преступлений от преступлений против порядка управления является причинение вреда правоохраняемым интересам участником общественного отношения “изнутри”, в то время как большинство преступлений против порядка управления совершается не участниками охраняемых общественных отношений, т.е. “извне”. Мысль о том, что за анализом механизма причинения вреда “скрывается не что иное, как утверждение о разграничении указанных преступлений по субъекту” (7, с. 404), по существу сводится к отождествлению субъекта охраняемого общественного отношения с субъектом преступления, что, безусловно, является недопустимым.

Анализ механизма причинения вреда объекту был бы неполным, если бы мы не коснулись упомянутых выше составов дачи взятки и посредничества во взяточничестве, которые разрушают охраняемые нормами уголовного права общественные отношения, в отличие от всех других должностных преступлений, “извне”. Особенности в механизме причинения вреда в данном случае имеют настолько важное значение, что это дает основание некоторым криминалистам полагать, что эти преступления по своей природе существенно отличаются от других должностных преступлений (9, с. 95). Более того, помещение этих составов в главу о преступлениях против порядка управления, с точки зрения М.Д. Лысова, “не только соответствовало бы их природе и однородности с указанной группой преступлений, но и имело бы большое практическое значение, поскольку учет этих преступлений в качестве должностных существенно искажает статистику должностной преступности” (9, с. 95). Не оспаривая приведенных аргументов, отметим все же, что помещение этих двух составов в главу о должностных преступлениях может быть обусловлено во многом тем, что наряду с составом получения взятки они характеризуют единый социальный феномен — взяточничество. Особенности же механизма причинения вреда должны быть учтены при характеристике группы должностных преступлений как исключение.

Как видим, нормы должностных преступлений и преступлений против порядка управления охраняют группы очень сходных, но вместе с тем и достаточно различных общественных отношений. Различия эти, взятые в совокупности, позволяют считать обоснованным и целесообразным выделение соответствующих групп преступлений в отдельные главы УК.

Список литературы: 1. Волков Б., Лысов М. Рецензия на книгу Б.В. Здравомыслова "Должностные преступления. Понятие и квалификация"//Сов. юстиция. - 1975. - № 24. 2. Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. 3. Здравомыслов Б.В. Должностные преступления. Понятия и квалификация. - М.: Юрид. лит., 1975. 4. Кириченко В.Ф. Виды должностных преступлений по советскому уголовному праву. - М.: Госюриздат, 1959. 5. Кириченко В.Ф. Ответственность за должностные преступления по советскому уголовному праву. - М.: Госюриздат, 1956. 6. Козельцов Е.А. Понятие объекта посягательства на деятельность представителя власти или общественных организаций, выполняющих обязанности по охране общественного порядка//Учен. зап. Саратов. юрид. ин-та. - 1964. - Вып. 11. 7. Курс советского уголовного права. - В 5 т./Под ред. Н.А. Беляева и М.Д. Шаргородского. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. - Т. 4. 8. Курс советского уголовного права. - В. 6 т./Под ред. А.А. Пионтковского. - М.: Юрид. лит., 1971.. - Т. 6. 9. Лысов М.Д. Ответственность должностных лиц по советскому уголовному праву. - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. 10. Наумов А.В. Рецензия на книгу М.Д. Лысова "Ответственность должностных лиц по советскому уголовному праву"//Сов. юстиция. - 1973. - № 19. 11. Пионтковский А.А., Меньшагин В.Д., Чхиквадзе В.М. Курс советского уголовного права в 2-х т. - М.: Госюриздат, 1959. - Т. 2. 12. Поленов Г.Ф. Ответственность за преступления против порядка управления. - М.: Юрид. лит., 1966. 13. Поленов Г.Ф. Ответственность за преступления против порядка управления: Автореф. д-ра юрид. наук. - Алма-Ата: Изд-во Казах. ун-та, 1971. 14. Таций В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. - Харьков: Вища шк., 1988. 15. Тихенко С.И. Уголовная ответственность за должностные преступления. - К.: Изд-во КГУ, 1964. 16. Утевский Б.С. Общие учения о должностных преступлениях. - М.: Госюриздат, 1948.

Н.А. Погорецкий

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА СЛЕДСТВЕННОГО ОТДЕЛА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Демократические процессы, происходящие в последние годы в Украине, закономерно обусловили принятие новой Конституции — Основного Закона страны, главными целями которой провозглашено построение правового государства и всемерная защита прав и свобод личности. С принятием новой Конституции возникла настоятельная необходимость дальнейшего совершенствования всех отраслей права, полного их соответствия Основному Закону, в том числе и норм уголовно-процессуального законодательства как одного из важнейших средств их защиты.

Эффективность защиты прав и свобод личности связана с полной регулировкой правовых отношений, возникающих в уголовном судопроизводстве. От полноты их регулирования зависят всесторонность и объективность предварительного расследования, а